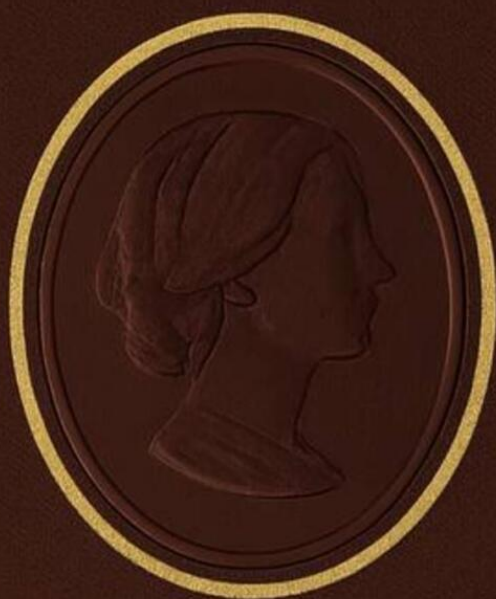

Maddy 'Em

Маленькие
письма
больших
надежд

Maddy Lam ('Em)

**Маленькие письма
больших надежд**

«Автор»

2025

Lam ('Em) M.

Маленькие письма больших надежд / М. Lam ('Em) — «Автор»,
2025

В Норвегии 1970-х годов художник Кристиан Лачовски пишет письма женщине, исчезнувшей из его жизни шесть лет назад. Не зная, жива ли она, он отправляется в путь — через фьорды, английские побережья и чужие города — в поисках её следов и ответов, которые могут изменить всё. Его дорога — это и бегство от прошлого, и попытка понять, способен ли он снова любить. На этом пути его ждут встречи, потери и открытия, которые приближают его к главному — к внутренней свободе. «Маленькие письма больших надежд» — роман о том, как поиски другого человека становятся поисками себя, и о том, что даже самые долгие дороги способны привести домой.

© Lam ('Em) M., 2025

© Автор, 2025

Maddy Lam ('Em)

Маленькие письма больших надежд

1965 г. Лондон, Англия.

Лондонское лето всегда отдавалось привкусом нежности и легкости, сопровождаемое горьким послевкусием, когда осенние дожди, не прекращаясь, беспощадно топили улицы.

В одном из Лондонских парков, в уходящие летние дни, которые если и невозможно было удержать, то по крайней мере можно было запомнить навсегда, ласково пели птицы. Раннее и теплое утро, когда не все еще пробудились ото сна, пока еще не забиты парки, на красной деревянной скамейке сидел высокий молодой человек, с удивительно кудрявыми каштановыми волосами, с лицом усыпанным веснушками и с круглыми очками, что помогали этим небесно голубым глазам видеть мир четче.

Это был Кристиан Рой Лачовски, он же Ронни (Рональд) Малколм Готтфирд, человек с грустным прошлым и практически таким же грустным настоящим, но с маленькой надеждой на светлое будущее. Вся горечь состояла в том, что детство его прошло словно деленное на две жизни и в этом была заслуга его матери.

На дворе стоял 1965 год, двадцатилетний Кристиан греясь лучами солнца, держа в руках записную книжку, намеревался найти все ответы на свои вопросы именно в ней. Он только вышел из психоневрологического диспансера, откуда он вот-вот отправится в Лондон к Милице.

Его мать вела этот дневник с того времени, как покинула свой родной город и уехала жить в Англию, где поселилась у одного непризнанного пианиста.

—

Признаться, не помню, чтобы Элли вела дневник, — говорил Клемент Данвуди, старый друг семьи.

—

И я не припомню, чтобы мама держала ручку в руках, казалось, ее пальцы касались только клавиш пианино, — улыбнулся он.

—

Она всегда говорила, что музыка помогает ей жить, пробуждает в ней все самое лучшее.

—

Почему она тогда...? — он запнулся и проскользнуло в его взгляде горечь всей необдуманной мысли, что он так умело прятал внутри.

—

Она... — хотел было ответить Клемент, как Кристиан перебил его словами:

—

Милица сегодня придет, даже не верится.

Элли, мать Кристиана, была человеком искусства, впрочем, как и Лачовски младший. Она играла на скрипке и на фортепиано. Могла не замечать крик своего ребенка, который только пробудился ото сна и без перерыва водить пальцами по клавишам инструмента, всецело отдаваясь музыке.

Не значит, что она не желала или куда хуже не любила Кристиана, отнюдь, она в нем души не чаяла. Элли увлекалась историей и преподавала ее после рождения Кристиана в Осло, делая акцент на Англию. В душе она считала себя англичанкой, но бла ею лишь наполовину, как и ее супруг. Имя Элли не настоящее, она урожденная Ингрид, но сменила после переезда в Англию.

Поселившись в Манчестере, она стала брать уроки музыки у местного композитора Эдвина Готтфирда, лет шестидесяти трех. Худощавая, маленького роста норвежка запала в душу композитора и он был рад учить ее за скромное «спасибо», а точнее за помощь по уходу за домом и приготовлении еды. Мужчина твердил ей, что музыка не требует слов. Со временем, конечно, она выучилась языку, того было не избежать. Их короткие разговоры превратились в длинные, как только она ловко овладела языком. Ей думалось о том, как велик этот мир и велики души, когда она их понимает. Она проводила за пианино сутки напролет, музыка ее охватила с ног до головы. Эдвин удивлялся двум вещам: ее рвению и усидчивости. Он говорил: «из нее выйдет хорошая пианистка». Но этого не случилось.

Элли проживала на окраине Манчестера и дни ее проходили свободно. Поселилась она у Эдвина, он выделил ей комнату с небольшой кованой кроватью, белым потертым шкафчиком и пожертвовал свое старое пианино, что некогда красовалось в гостиной. Он был добрым и отзывчивым человеком, но с грустной историей. Жена его пропала без вести еще пятнадцать лет назад, двое их детей живут в Ирландии. Он не был одинок, у него была музыка, она помогла ему жить и выстраивать тот самый баланс между отчаянием и умиротворением. Ему было в радость, что в доме поселилась еще одна душа в виде юной Элли. Он относился к ней как к дочери, и казалось, начинал в это верить сам. Спустя два года Элли начала называть Эдвина отцом.

—

В последний раз я слышал слово «отец» одиннадцать лет назад. – С грустью, но с доброй улыбкой поделился Эдвин.

Он был человеком в теле, так сказать, седые кудри и глубоко посаженные карие глаза делали его лицо еще добрее. Руки, а руки-то были самого настоящего пианиста, длинные тонкие пальцы, несмотря на полноватое телосложение.

Дом их был маленьким, два этажа и мансарда, а крыша полностью покрыта травой. Эдвин очень любил этот дом, он достался ему от отца, который сам его построил. Собственно, Эдвин был единственным ребенком в семье, родители дарили ему любовь сполна.

Элли стала официально дочерью Эдвина, взяла его фамилию и гордо звалась Элли Готтфирд.

Одним зимним утром Элли уехала в Лондон на двухнедельное по плану обучение у одного очень прославленного пианиста Англии. После очередного занятия, она встретила отца Кристиана. Он был простым почтальоном студентом. Он лично в руки доставлял телеграммы от Эдвина. Отец Кристиана был красивым мужчиной и Элли не заметила, как влюбилась в него. Он провожал ее до отеля, где она отдыхала после долгих занятий. Отправлял ей большое количество телеграмм и писем по ее возвращению в Манчестер. Писал он немного странно, слова разлетались по всей бумаге и стоило усилий собрать их в разумные предложения. Словно мысли бежали впереди его пера. Элли не обращала на это особого внимания, ссылаясь на то, что он просто распереживался. И если слова из его уст не были столь глубокими и чистыми, то взгляд его, как середина океана, бездна синих вод.

Однажды она писала ему:

“Милый Эрнест.

Было так приятно получить от вас открытку из Норвегии. Я не скучаю по дому, буду честна с вами, но что-то очень теплое открылось во мне лишь посмотрев на норвежские фьорды и вспомнив, как мы с сестрой гуляли у их берегов перед школой.

С возвращением в Англию. Надеюсь, вам больше не придется ее покидать. Было бы так любезно с вашей стороны пригласить меня на вечернюю прогулку, я бы съела мягких булочек в пекарне рядом с мостовой и рассказала вам о том, как жизнь меня привела в эти места.

Ваша Элли.”

Элли приучала Кристиана исключительно к английским композиторам, таким как, Бенджамину Бриттену, Джону Маккейбу и Райану Уигглсворту. О других композиторах он мало знал. Можно поспорить о том, насколько это было правильно, но что-то мешало ей любить мир вне Англии. Своего сына она считала посланием свыше, нечто невообразимым и стремилась вырастить из него, если не гения, то человека высших нравов и высококультурным, проявляющим свою инициативу к музыке или как минимум к любому другому виду искусства. Она не была из тех матерей, что пытаются воплотить свои мечты через детей. Отнюдь! Ей всего лишь хотелось, чтобы Кристиан пользовался своим талантом, развитие которого проявлялось уже с шести лет. Он с раннего возраста дал понять матери, что его влечёт живопись. Она не была против.

Все было хорошо ровно до тех пор, пока они не вернулись в Норвегию с концами. Элли не могла принять возвращение на родину и это отразилось на всех.

—

Элли много писала про Эрнеста в годы их счастливой жизни в Англии, а после с едва мог слышать его имя. Словно она оставила его душу в Манчестере, оставила его там, как личность и в Норвегии была лишь его оболочка, — слова давались Клементу тяжело, он все пытался вспомнить отрывки прошлого.

—

Она почти никогда на него смотрела, пыталась игнорировать факт его существования. Отец молчал. И я вспоминаю свои записи из детства:

Берген. Детство.

“ — Пап, эта тарелка должна стоять на верхней полке, — повторил я, на третий раз отец меня услышал.

Он осмотрел меня с ног до головы своим тоскливым и пустым взглядом. Мне было его жаль, ведь я так люблю его. На самом деле, отец мой достаточно куртуазный человек, добрый, хоть и неразговорчивый. Он никогда не снимает свой коричневый потертый местами костюм, мама говорит, что он боится выглядеть смешным в другом наряде. Но я не понимаю, как человек может казаться смешным, если он никогда-никогда не улыбается.

У него опущенные веки, я иногда развлекаюсь, трогая их пальцем, они такие воздушные. Губы моего отца осунулись с годами, хотя он так молод, ему всего 32. Когда он спит, я подкрашиваю ему губы маминой помадой, мне кажется, я его радую этим, ведь когда он просыпается, не обнаруживает в зеркале мужчину без губ. По крайней мере, он не жалуется и не ругает меня за это. У меня папин нос, острый и вздернутый. Глаза у меня скорее мамы, голубые, у папы они зелёные, точнее болотные. Надо мной часто смеются из-за моего отца. Кстати, знакомьтесь, его зовут Эрнест. Моя мама Элли часто гладит его по руке, если он вдруг начинает грустить. А грустит он нередко, чаще из-за меня. Нет, я не балуюсь, просто меня обижают в школе и на улице, в общем. Мой одноклассник Роберт говорит, что мой папа аутист. Но это не так, я знаю, я верю. Просто он не любит много разговаривать и общаться с людьми. В этом мы с ним схожи. Но раньше я не был таким же, года два назад я был веселым и отзывчивым, общительным даже. Но когда мои приятели узнали моего папу, то всё изменилось в одночасье. Сначала они начали меня остерегаться, я мельком слышал, что их родители запрещают им дружить со мной. Ну и ладно. Мне с отцом интереснее. Папа винил себя и было время, когда он хотел уехать от меня и мамы. Но я так громко рыдал и крепко держался за папин пиджак, что он сдался и не стал никуда от нас уходить. Однажды мама сказала мне, что папа немного болен. Я ничего ей не

ответил, сказал лишь, что люблю его абсолютно любым. Она обняла меня, и я почувствовал ее влажные глаза, когда решил обнять в ответ.

– Знаешь, мы могли бы прогуляться в саду, – говорил я отцу, сидя за обедом. Мама доброжелательно кивнула нам, папа, увидев ее реакцию, тоже кивнул. Я улыбнулся.

Я, выйдя в сад, сел на мокрую скамейку, ждал, минут-таки двадцать, но папа все никак не приходил. И вот, когда я решил вернуться за ним, то по дороге в дом увидел маму, идущую ко мне. Она была чем-то серьезно взволнована и напугана. Мое сердце заколотилось.

Она кинулась мне в объятия.

– Ах, Ронни, твой отец уехал, – мучительная боль пожирала меня в эти секунды.

Мама ещё долго не выпускала меня из объятий. Холодный ветер морозил мамину кожу, ее вязаный жакет телесного цвета намок, и от чего она мерзла сильнее.

– Он ушел из-за меня, мамочка, – твердил я с раскаленными от слез глазами.

– Что ты, милый? – она выпустила меня из объятий, тревожно посмотрев на меня, – не говори такие глупости, мой мальчик. Ты ни в чем не виноват.

Темные волосы моей мамы прилипали к ее и моему лицу, я не мог различить, чем покрыто ее несчастное лицо, то ли слезами, то ли капельками дождя.

Я вырвался из ее нежных рук и побежал в сторону ворот. Я бежал, спотыкаясь о камешки, которые привез отец довольно давно, для того, чтобы построить нам бассейн. Чего в принципе и не случилось. Я бежал, а ветер бил мне в лицо, на пару с ливнем. Но меня ничего не могло остановить. Я запыхался, но не переставал бежать, я звал папу, срывая голос. Позади меня почти вдогонку спешила мама. Она окликнула меня, а я папу. Слезы перемешались с дождем. Когда я окончательно устал, то упал на мокрую землю, угодив в самую грязь. Я бился в истерике и не слышал никаких посторонних звуков, мой крик приглушил все вокруг меня.

– Папочка, вернись, – я кричал на весь лес. – Умоляю, папа, не бросай нас, – за моим воплем последовал чудовищный кашель.

После этих слов мама все-таки добежала до меня и тесно прижала к своему сердцу.

– Мой славный мальчик.

Через десять минут мама отвела меня в дом, пытаясь меня растормошить.

С этого дня я не стану прежним».

Шесть лет спустя.

1971 год. Тонсберг, Норвегия.

Должно быть, это утро ничего не предвещало. Ни радости, ни грусти. Обычное октябрьское утро. Как и обещает осень, каждый год – ливень. Непрекращающийся ливень и сгустки тумана не дают окнам стабильности. Запотевшее окно размывается от капель. Кристиан рисует на стекле солнце, но бормоча себе под нос, стирает свое творение и делает глоток остывшего чая. От осознания того, что нужно взбодриться, ватные ноги господина Лачовски ведут его на кухню за горячим кофе, жуткий звук кофемолки раздражает, но он терпелив. Его, можно сказать, выдрессировали. Он варит кофе, постоянно поглядывая на улицу, наблюдает за прохожими, которые устало и, не выпавшись, топчут асфальт ногами. Кто-то идет на нелюбимую работу, кто-то за новыми знаниями. И лишь Кристиан, смиренно стоит у ржавой плиты, в льняном халате, в надежде, что кофе придаст ему сил. В это мгновение его посетила мысль, что он так страстно желает некой неожиданной радости, чтобы разрывало от эйфории, чтобы распирало от счастья, но в то же время он был спокоен сердцем и гладок душой. Всякий раз, когда ему хочется поговорить с кем-нибудь, он впадает в бессмысленное отчаяние и робко, спотыкаясь, пытается из него выбраться. Единственное, что готов сказать Лачовски в этот момент,

страдания – великая вещь. Из-за долгих раздумий и пристального взгляда в одну точку, кофе облилось коричневой пеленой по всей поверхности печи.

Кристиан расстроился и на секунду даже разозлился, то ли на кофе, за то, что он преданно и верно не ждал его, то ли на себя, за глубокую невнимательность. Остатки, находившиеся в турке, он налил в маленькую круглую чашку, за мгновение опустошив её.

В ожидании прилива сил.

Оставив печку на растерзание коричневой уже грязи – он, медля, направился в гостиную. Из давно поломанной форточки дул ветер, мурашки буквально атаковали его тело. Все надежды возлагались на горячий кофе и шерстяной плед. Усевшись за зеленый, многократно покрашенный стол, Кристиан принялся за еще одно письмо к своей матери:

«Элли, сегодня Рождество. Возможно, я и не должен радоваться этому празднику, учитывая мои взгляды, но спешу тебя заверить, что люблю лишь потому, что ему довелось праздноваться именно в зимнюю пору. Я гуляю по Тонсбергу, вдоль побережья и слышу классическую музыку, я слышу её внутри себя, она играет и живет во мне, в особенности те композиции, что ты играла мне.

Солнце садится за горизонт, а я выпрямил спину, вспоминая твои замечания, сделал глоток травяного чая и наблюдал, как вода спокойно оmyвает берег, забирая некоторые частички песка к себе.

Знаешь, Элли, я давно не видел Милицу, но еще дольше я не видел тебя. Сегодня идет снег, Тонсберг красиво украшен и окутан рождественским настроением и я так счастлив. Но как ты уже успела догадаться, я нашёл место, где практически нет людей, ведь так уютней и спокойней.

Я много рисовал, например, поля Голландии и зимний пейзаж Тонсберга. Я также рисовал Милицу такой, какой успел ее запомнить и какой я ее не забуду. Мам, я влюблен в маки, должно быть, находясь в Голландии, я по всем законам влюбился бы в тюльпаны, но мое сердце покорило маковое поле. Ты ведь помнишь, как я люблю писать пейзажи, рука моя сама водит кистью по полотну, отчего мне становится безмерно спокойно.

Я построил дом, Элли и стал мужчиной. Он небольшой, в нем восемь окон и две двери, одна ведет в сад, а другая к дороге. Подумай и ответь, какой из них я пользуюсь чаще.

Я мечтал об этом всю свою жизнь. Жить в этом доме, иметь собственный сад, чтобы была возможность писать и рисовать. Погода не подведет, если ты подумала об этом. В дождливые дни я читаю книги и изучаю растения, делаю что-то по дому и бывает, выхожу в местное кафе выпить травяной чай, понаблюдать за людьми.

Я снова читаю твои мысли, я знаю, о чем ты подумала сейчас, спешу тебя заверить, я не забыл об оранжерее, она будет, это точно.

Я скучаю по Англии, но не уверен, что хотел бы вернуться туда. По крайней мере, мной овладевает страх, ведь вернуться в Англию, значит вернуться домой, к тебе, к папе. Что же станет со мной, если не найду я вас? Выходит, что и дома нет родины тоже. Моя родина – это ты.

Ронни Готтфирд»

Зайдя в продуктовый магазин Кристиан надел на себя черные очки. Люди мгновенно покосились на него, это не странно, который день в Тонсберге льет дождь. Схватив с забитой полки пачку хлопьев, держа под мышкой упаковку молока, он направился на кассу, за которой сидела сердитая женщина лет тридцати семи, обомлев от ее грозного вида, он отнес продукты на соседнюю кассу, хоть и за ней тоже сидела не совсем любезная продавщица. Ему подумалось: «насколько же несчастны эти женщины». Безобразно собранные волосы, блеск которых утерян и уже вряд ли вернется, глаза не знающие радости и тело заплывшее жиром. Кристиан

остановился и задумался о том, как выглядела бы эта женщина, сложись ее жизнь иначе. После громкого и грубого замечания «оплатите покупки», Кристиан пришел в себя, прошептав спокойное: «конечно же».

Думать о своей жизни ему приходилось редко. Куда чаще он думал о цветах, живописи и Милице. Что-то расстраивало его, что-то придавало сил, а порой он и вовсе забывал о тоске. Но нельзя исключать минуты, когда он полностью погружался в отчаяние. Кристиан стремился как можно скорее выйти из негативного состояния и всецело отдавался живописи и музыке.

Вступив на порог дома с покупками, он аккуратно положил купившее на высокий стол в гостиной. Не успев сесть в кресло, как тут же постучали в дверь, что застало его врасплох.

Он замер.

В дверях стоял Эллиот Франц Петтерсен. Мало сказать, что Кристиан удивился этому как грозе среди ясного неба – приходу. Минуты две его лицо было полностью залито удивлением и он не мог сдвинуться с места, словно его стопы прибиты гвоздями в пол. И это неудивительно. Прошло ровно шесть лет с момента их последней встречи. Кристиан отступил назад и зажал ладонью рот, не поднимая глаз на Эллиота, ему казалось, что он исчезнет. В свою очередь Эллиот, как и присуще ему, смиренно ждал какой-нибудь реакции от своего товарища.

– Где ты был? – сорвался голос Кристиана.

– В Швейцарии, – непринужденно и с такой легкостью, которая казалось, была неуместна, отвечал Эллиот.

Кристиан жестом приказал ему войти в дом. Не сдерживаясь больше ни минуты, он бросился в объятия Эллиота, тот в свою очередь не скрывал своей радости.

– Должно быть, ты скучал, – этот сдержанный и спокойный голос, который был так знаком господину Лачовски, вызывал в нём бурю новых, давно забытых эмоций.

– У тебя даже голос не вздрогнул, пока я тут испытываю всю гамму чувств.

– Всё внутри меня, как много я чувствую, Лачовски. Я искал тебя долгих три года, совру, если скажу, что без остановки. Но я не терял надежды и вот я тут, стою перед тобой. Как видишь, последняя попытка увенчалась успехом. Почему Тонсберг?

– Так вышло, – он буквально не мог оторвать глаз от Эллиота.

Кристиан налил чай и положил на стол сладкое. Обоим было непривычно беседовать в такой теплой обстановке, ведь прожитые года в клинике и их регулярные встречи в палатах, забыть отнюдь невозможно. О чае и сладком они и мечтать не смели.

Эллиот повзрослел, но практически не изменился, его строгий костюм напоминал Кристиану студентов английских университетов.

– А где Милица?

Ее имя пронзило сердце Кристиана. В ответ он лишь пожал плечами. Эллиот кивнул.

Они беседовали около полутора часа. Как выяснилось, Эллиот живёт в маленькой швейцарской деревне, ухаживает за лошадьми и изучает физику. В свою очередь Кристиан рассказал о своей скромной жизни в Тонсберге и о своей страсти к живописи. О былых годах они не вспоминали ни на минуту в разговоре, но не переставая держали у себя в голове.

Кристиан показал небольшие этюды маслом и наброски углём, в одном из набросков, Эллиот узнал Милицу.

– Милица Кристин Берг. Интересно, как она там поживает? Изменилась ли? – не сдерживал своего любопытства господин Петтерсен.

Кристиан всё также пожимал плечами.

– Ты знаешь, она была в тебя влюблена, – никак не мог уговориться Эллиот Петтерсен, ведь он так любил поразмышлять о взаимоотношениях двух любящих сердец. Но что известно о сердце самого Эллиота?

– Возможно, так оно и было, – он не подавал виду и того как это ранит его, даже спустя нелегких шесть лет.

– Люди делают выбор, – продолжал Кристиан, – кому-то этот выбор может показаться несправедливым, даже жестоким, но за этим выбором стоит такой же человек и мы просто не в праве не принять его. Милица выбрала уйти ровно шесть лет назад, я уважаю ее выбор, ведь где бы её ни носило, она останется жить в моём сердце, – после этих слов Кристиан остановился, поняв, как много ненужного и сентиментального он наговорил своему товарищу, после чего сделал глоток чая и опустил в кресло.

Эллиот не мог подобрать слов для ответа, его друг это подхватил и остановил его речь жестом.

– Здесь отвечать нечего. Уж больно меня занесло в забытые старые сети. – Посмеялся он.

– Был ли ты в Осло после выхода из клиники? – Перевел тему Эллиот.

– Ни разу, собственно и не намереваюсь, как и в Берген, как и в Лондон.

– А я бывал как-то в Осло, этот город душил меня, знаешь.

После этих слов они молчали, лишь изредка даря друг другу теплые взгляды.

– Мне есть, что отдать тебе. – Кристиан вспомнил о том, как упорно рисовал Эллиота углём ещё во времена больницы, стараясь буквально оживить его на бумаге.

Он покопался в потертом ящичке, что стоял под телевизором и найдя, вручил ему в руки.

– Это я. – Наивно и по-детски обрадовался Эллиот.

– Это отняло у меня немало времени и труда, я пытался, чтобы тебе понравилось.

– Ты даришь его мне? – С надеждой спросил он.

– Да, разумеется.

Минуты две они смотрели друг на друга, но эти минуты показались им годами. Кристиан отвернулся.

– А ну повернись. – Этот знакомый приказной тон не раздражал Кристиана, как раньше, он даже улыбнулся, а глаза его покраснели. Их взгляды вновь встретились.

– Мы стоим друг перед другом, – его голос задрожал, – не знаю как для тебя, Эллиот, но эта встреча так много значит для меня, о ней я и мечтать не мог.

– Выходит, наши дороги должны были вновь сойтись, раз я стою в твоём доме.

Кристиан показал ему свой сад, после проводил его к воротам и попросил непременно его навещать. В ответ, Эллиот записал адрес отеля, где остановился и позвал в гости. Высокий силуэт уходящего друга размылся в тумане Тонсберга.

Кристиан был наполнен чувствами и такой теплотой от его прихода, что не мог войти в дом и всё смотрел и смотрел вдаль, улыбка с его лица не сходила. Закрыв за собой калитку, он облокотился на неё и сполз на землю, обращаясь к Милице «не хватало лишь тебя, мой мотылёк».

Наутро спустя четыре дня с их встречи, позавтракав салатом собственного рецепта, Кристиан накинул на себя плащ светло серого цвета и вышел из дома. Но забежал забрать зонт и вновь выйдя, сел на свой велосипед мятного цвета и помчался, обгоняя порывы ветра на пару с дождем. Стекла его очков мгновенно заполнились каплями дождя, после чего он додумался раскрывшийся зонт прикрепить к выемке, которую смастерил специально для него на руль велосипеда. Справа от него холодные и серые волны бились о заточенные скалы, а спереди его глазам предстал вид величественных норвежских гор, густой туман скрывал их верхушки, отчего захватывало дух. В Норвегию приезжают одиночки и мечтатели, сюда приезжают за вдохновением и покоем, здесь находят себя и душевный уют. Здесь сердцу делается теплее.

О чем думал Кристиан? О горах, что возвышались перед ним или о бушующем море, что билось справа от него, или о голых ветхих деревьях, что ненасытно впитывали каждую каплю дождя? Быть может, о Милице? Может, об Эллиоте? Он думал о чае, горячем травяном чае с облепихой и мятой. Внутри него бушевало море, его сердце было заполнено Милицей, его стойкость и терпение были словно горы. Но вот думал он о чае. Холодные капли так сильно

врезались в кожу, что он не мог думать о чем-то другом. Но Кристиану был приятен и дождь и ветра и слякоть, так он чувствовал себя живым. Рассекая мокрый асфальт, он добрался до ближайшего кафе, красное заведение с чисто белой крышей одиноко стояло напротив моря.

Кристиан оставил свой велосипед у входа и вошел внутрь. За желтым деревянным столиком у окна сидел пожилой мужчина в серой хлопковой рубашке и читал Керуака. Во всем кафе он был единственным посетителем, не считая только прибывшего Кристиана. Белые бетонные стены, деревянный белый пол, желтые столы и нежно голубые шторы делали это место простым и уютным. Заказав себе чай, Кристиан сел на стул с мягкой подушкой, накрыл себя пледом, что лежал на спинке стула в ожидании своих гостей. «Хороший день», – произнёс вслух господин Лачовски. И эту мысль тут же подловил мужчина с книгой Керуака в руках.

– Хороший для чего? – прозвучал низкий томный голос, но очень приятный на слух.

Кристиан повернулся к нему с улыбкой и как обычно пожал плечами.

– Чтобы жить, – нашёлся ответ у Кристиана.

– Что ж, выпьем за тот день, в котором так хорошо жить, – с улыбкой ответил мужчина, и в знак, приподняв кружку кофе, сделал глоток, Кристиан повторил за своим собеседником.

Кристиан поднял глаза на стул, и ему так хотелось, чтобы напротив него стоял не бездушный предмет, а его старый товарищ Эллиот Франц Петерсен. Но он не знал, насколько был готов к этой встрече вновь. Ему становилось теплее просто от его присутствия, но сколько же несёт воспоминаний человек, когда стоит напротив тебя, словно просто своим лицом он оживляет всё то, что казалось бы, умерло в прошлом. Старые чувства, мысли, воспоминания могут вспыхнуть также молниеносно, как и погасли. И всё это может сотворить образ человека стоявшего напротив. Ты узнаешь эти руки, эти глаза, движения тела и начинает казаться, что всё также как и прежде. Прежний друг Эллиот и те воспоминания, что причиняли боль, те времена в клинике и конечно же, он не мог не думать о Милице, когда смотрел на Эллиота. Впрочем, он никогда о ней и не забывал. Если человек далеко, его можно любить вечно.

Именно из-за страха прошлого Кристиану было тяжело подготовиться ко второй встрече. И нельзя отрицать того варианта, что та легкость с какой прошла их первая встреча была лишь из-за факта неожиданности. Что если, это как болевой шок, ты не чувствуешь боль изначально, но она начинает съедать тебя после, когда приходит осознание. А может, нужно с головой окунуться в свои страхи, чтобы наконец перестать бояться?

Делая последний глоток, Кристиан рассчитался на кассе, пожелав молодому человеку в фартуке хорошего дня, и покинул красное заведение. Это было его любимым местом, после своего дома и библиотеки, во вторую очередь.

Ему нужен был дом и сад, чтобы писать, красное заведение, чтобы чувствовать себя живым, библиотека, чтобы открывать для себя что-то новое, он был почти счастлив. Библиотека находилась недалеко от места, где он сейчас находился от того он и решил пойти пешком, крепко привязав свой велосипед к ограде у кафе. Искать Милицу в каждом прохожем было для него делом обычным.

Он шёл по обочине так спокойно, словно на улице стоял весенний денёк, а не лил дождь, омывая все улицы этого небольшого городка. Протирая свои очки и надевая их вновь, через чистые, ещё не намокшие стёкла, он разглядел перед собой Эллиота и резко остановился в оцепенении.

– Эллиот? – он удивился ему как в первый раз.

Он стоял перед Кристианом как приведение, серьёзный взгляд, неподвижная стойка и капли, стекающие по лицу.

– Эллиот! – Повторил он громче, из-за дождя и сильного ветра приходилось чуть ли не кричать. Дождь лил сильнее.

– Я захотел тебя увидеть, я ждал тебя, но ты не пришел, – наконец лицо Эллиота подало признаки жизни.

Кристиан ответил ему не сразу, он не знал, как подобрать слова, чтобы Эллиот понял, насколько тяжело ему приходится.

– Я не мог, – сорвалось из уст господина Лачовски.

Они молчали, стоя друг напротив друга. Кристиан снял очки и сделал на шаг назад. Словно ничего не вызывало чувств у Эллиота, ему был нипочем ни холод, ни дождь, ни сам Кристиан.

– Мои мысли – это мой дом, понимаешь? – Кристиан кричал, его голос дрожал, но усердно скрывал это.

В ответ тишина, суровая, но такая знакомая.

– Ты ворвался в мою жизнь снова. Знаешь, я ведь пытался жить, я делал из себя человека. Я сойду, если скажу, что не был рад видеть тебя. Я очень тебе рад, Эллиот. Это был лучший день за последние шесть лет. Но жизнь не стоит на месте. Все шесть лет я живу ментальной связью с тобой и с Милицей. Я пытаюсь не думать о вас, так мне живётся легче, не видя ни тебя, ни её, – казалось, что он вот-вот даст волю слезам, – вы здесь, внутри меня и так будет всегда. – Кристиан схватил руку Эллиота и приложил к своей груди, после чего рука Эллиота безжизненно вернулась в исходное положение.

Кристиан закрыл лицо руками, мурашки носились по всему его телу, ему становилось тяжело дышать, стоял страх как бы не вернуться в периоды жизни с ажитацией.

– Мне всё напоминает о ней. А при виде тебя, я словно тот Кристиан, запертый в четырех стенах и потерявший надежду освободиться. Я стёр бы себе память, прострелил бы себе голову лишь бы перестать думать. Я очень устал размышлять, искать, ждать. Вся моя жизнь – бесконечное ожидание, – последние слова вырвались из его уст треском, будто это было его последним посланием.

Кристиан перевёл дыхание, подойдя ближе к Эллиоту, он начал стучать кулаком в его грудь.

– Эллиот, – он надрывал себе голос, – Ну же, Эллиот, скажи хоть слово, не стой ты... как виденье, как неживой, как сон, – в конце он будто занемог и говорил вполголоса, казалось, что совсем утратил надежду.

– Я разбудил в тебе давно забытое, – пустым взглядом, но всё-таки ответил Эллиот.

– Возможно. Нет, хотя нет... это всегда живо, это мой крест и я иду с ним. Он не убивает меня, Эллиот, он даёт мне силы жить. Милица и ты – мое прошлое и мое вечное. Но видеть вас мне не под силу, это слишком тяжкий груз.

– В Швейцарии так людно, ты знал об этом, Кристиан? Не так, как здесь – украдкой взглянул он на своего друга, который хоть и показывал все свои чувства, но никогда не питал к себе жалости и никогда не позволил бы никому себя жалеть. Таков Кристиан.

Тот Эллиот, что был четыре дня назад, довольно резко отличался от Эллиота, что предстал сейчас. Собственно, он всегда был таким, деленным на дважды.

– Но я счастлив, – дождь стихал, а ветер отдалялся от Тёнсберга, и казалось, что вместе с ветром, уходят и силы Кристиана, но он продолжал, – счастлив жить здесь, счастлив писать, счастлив жить с красками и морем. Это я, – было ощущение, что он пытался изо всех сил убедить в этом Эллиота.

– Ты когда-нибудь пытался найти Милицу? – Эллиот был мастером менять темы в разговоре. Кристиан неожиданно посмеялся, но также быстро успокоился, надев очки.

– Ищут тех, кто нуждается в том, чтобы их искали. Я написал ей восемьсот двадцать три письма, отправил из них четырнадцать, и то в неизвестность. Её словно течением смыло в океан. Она так и не приехала в Лондон, как мы договаривались. Её нет нигде, а я всё жду, знаешь. Иногда я представляю, что она делает. Может, она сейчас ест круассаны в Париже, может, нянчит сына, может, читает книгу или танцует, а возможно, её и вовсе нет в живых. Не

знаю где она, и знать не хочу, – слова вырвались так громко и резко, будто ими он поставил точку в разговоре.

– Завтра обещали солнце, надеюсь, тебе захочется жить, – сказал Эллиот и ушёл.
Пустота.

Семнадцатое ноября. Утро. Солнце.

Проснувшись в восемь утра, Кристиан открыл глаза новому дню, душа его цвела, он улыбнулся и встал с кровати совершенно бодрый и полный сил. Ему непременно хотелось одного – писать.

Он зашел в ванную комнату, взбодрился холодной водой и невзначай присмотрелся к своему лицу, «веснушки» проговорил он вслух, «всё лицо в веснушках, когда же они исчезнут?» задавался он этим странным вопросом. После пристального взгляда в своё отражение, он потряс головой, капли разлетелись в стороны, а зеркало покрылось ими.

Он почувствовал одиночество, такое, которое приходит совсем неожиданно и словно колит тебя иголкой. А ведь всякий раз, когда он проходил через это, то немедленно садился за стол и писал ей, той, что навеки украла его сердце.

«Дорогая Милица, хочу рассказать тебе, а точнее поделиться маленьким мгновением своей жизни, столь незначимым, но вдохновляющим.

Я видел сегодня старика, он сидел на только высохшем после мелкого дождя бордюре, из своей массивной ладони кормил птиц, и хочу сказать, он выглядел счастливым. Эта атмосфера, что царила вокруг него, дарила мне надежду и заполняла мое сердце теплотой. Позади него играл джаз, молодые музыканты дарили праздник прохожим, уютные кафе зажгли свои фонари сразу после того, как небо сменило свои тона на глубоко синие. А я стоял и наблюдал за этим, и как же я хотел, чтобы ты была здесь.

Скоро Новый Год. Элли говорила, что именно в Новый Год принято давать себе шансы. Я все же извлек один урок. Я всегда бежал, Милица, я бежал, не оглядываясь, сметая все на своем пути и не замечая, что осталось позади меня, постоянно что-то искал. Но все-таки знаешь, что я извлек из всего этого? Самое важное – оно всегда рядом. Я бежал, но как выяснилось, я убегал и не замечал, что так или иначе все дороги ведут к тебе.

Сегодня я остановился. Прошло так много времени... сколько там? пять лет или шесть? Тебя не было так давно, что я сбился со счета. Признаться, поначалу я считал дни, а потом месяцы, как безумный записывал каждый день, в котором ты отсутствовала. Тебя так долго нет, что я не уверен, была ли ты...

Ты есть в моей памяти. Я ведь помню, ты сидишь в большом сером свитере на балконе, в нашей клинике, все также неохотно куришь. Я помню твои темные волосы и светлые серые глаза, такие яркие и глубокие, что я давно уже в них захлебнулся.

Милица, тебя нет 6 лет и 23 дня. Я помню. Как бы сильно я не хотел забыть, но я помню.

Тот день, Милица, мы лежали в нашем месте, соприкасаясь кончиками носа, так близко, что я ощущал твое дыхание. Я бы остановил этот момент и остался в нем вечно. Ты – моя бесконечность.

Так вот, я ведь все рассказать хотел. Да, про старика. Я стоял на центральной площади Амстердама и довольно высокий пожилой мужчина кормил птиц на протяжении часа и семнадцати минут. Я решился подойти к нему, сам еще не понимая, что буду говорить, но мне так хотелось с ним побеседовать. Я позволил себе пару слов.

– Сэр, они вам так благодарны – улыбаясь, проговорил я.

Седоватый мужчина в охристом плаще повернул ко мне голову, я стоял справа от него и дружелюбно ждал ответа. У этого господина были довольно глубоко посажены глаза, вздернутые уши, немного широкий нос и впалые скулы, все это гармонично соединялось на его лице и придавало ему какую-то особенность, делало его добрым и приятным.

Он тихонько посмеялся, отчего его плечи приподнялись, а затем опустились.

– Ах, если бы они что-то понимали. – Ответил он.

Я присел в метре от него, мы не обмолвились после ни словом, лишь наблюдали за тем как лакомятся птицы и наслаждались музыкой на фоне. Затем на небе появились звезды и мы простились с ним на улице освещённой множеством фонарей. Я подарил ему свою улыбку. Знаешь, Милица, мне больше нечего было сказать ему.

Сейчас утро.

Моя жизнь незаметна. Почему нужно быть привязанным к чему-то или кому-то, чтобы жизнь твоя имела смысл... я потерял этот смысл.

Надо мной нависает зимняя липа, и я пишу тебе. Мне так о многом хочется тебе рассказать, но я не могу собрать слова воедино. Лучи солнца нежно ложатся на мои пальцы сквозь ветки деревьев. А ты помнишь тот день, стоя на маковом поле, солнце освещало твоё лицо, в особенности твои глаза, они делались еще светлее и красивее, словно бирюза, словно ты море в разгар лета. Я отчетливо помню эти дни и несу их в себе.

Я заканчиваю свое письмо, но я обязательно напишу ещё.

Мне нужно идти.

А тебя лишь попрошу... приснись мне.

С любовью, Кристиан.»

Как жил Эллиот Франц Петтерсен и кем был этот человек, всегда хранилось в тайне, скорее даже для самого Эллиота.

Недорогой отель радушно принял его в своих стенах, предлагая вкусные завтраки и вечерние программы, куда он, конечно же, ходил.

– Господин Петтерсен, – поприветствовала его управляющая отелем, – вам продлевать?

Эллиот стоял мокрый насквозь, но с вновь приобретенным лицом, с той живостью, какая бывает редко.

– Пожалуй, я пробуду у вас ещё двое суток, – ответил он, отдаляясь от стойки информации, подходя ближе к лифту, не дожидаясь любезного «как скажете».

Зайдя в свой номер, он в спешке снял с себя промокшую одежду, закинув её на стул, что стоял у дверей.

Комната Эллиота не была ничем примечательна. Белые стены, большая кровать у балкона и маленькая ванная комната. Он накинул на себя темно синий вязаный халат, взял пачку сигарет и вышел на балкон. Его мысли занимал Кристиан, конечно же.

Туман почти скрывал море, покрытые инеем деревья шумели от ветра вновь прибывшего, а на небе сгущались тучи, подавая надежду на еще одну партию дождя. Эллиот улыбнулся, он знал, что через пару часов наступит утро и выглянет солнце и в паре километров от него проснётся Кристиан, который вероятно, захочет улыбнуться лучам солнца.

– Какой глупец! Дурак ведь! – дрожащими руками он преподнес сигарету к губам, не переставая думать о своем друге. – Да как так жить можно. Ожидание сведет с ума, это мучение, не жизнь ведь, не жизнь! Глуп! – он облокотился об ограду на своем временном балконе и скрестил ноги, сильнее сжимая сигарету в зубах.

Накинув на плечи полотенце, Кристиан хотел было начать подготавливать своё рабочее место, как обнаружил, что банка с льняным маслом разлита по полу. И подумалось ему «что ж, значит, быть этому дню неудачным?». Но ведь не могла одна маленькая баночка испортить ему такое хорошее утро. Он кинул залежавшуюся ткань на место, где было пролито масло, и пошел одеваться. Зеленый свитер «обещал» согреть его, серое пальто, шарф, черные вельветовые брюки и он готов выйти на холодные улицы, а это весьма неплохой повод, чтобы освежиться после сна.

Неподалеку от центра располагался художественный магазин. Кристиан всегда закупался именно там. Владелицей была взрослая француженка, некогда замужняя за норвежцем, но муж её был не совсем хорошим человеком, скажем так, и бросил её спустя десять лет брака. Звали её Анна, темноволосая стройная женщина со слегка опущенными веками, но поистине добрая.

– Добро пожаловать, Кристиан, – поприветствовала она.

– Доброе утро. Я заехал к вам за маслом ни свет, ни заря, – Кристиан улыбнулся ей.

– Ты проходи, не стой в дверях, раз ты так рано ко мне пожаловал, то выходит, ты ещё не завтракал. В таком случае, мы позавтракаем вместе, – она поспешила взять его под руку и провести за маленький журнальный столик, что стоял за прилавком.

Он на мгновение смутился, но как Кристиан мог отказать ей и собственно отказаться от чая?

– Первый снег всегда в радость, особенно если он в сопровождении солнца, – подметила она, наливая чай в круглые белые чашки. На столе в вытянутой вазе стояли гортензии.

– Это правда, особенно когда не ждёшь его, – Кристиан сидел немного скованно, что невозможно было не заметить.

– Ты расслабься, давай, вставай и разомнись, – она подняла его за руки со стула и начала показывать ему движения для утренней зарядки, а он послушно повторял, не скрывая своего смеха. Кристиан впервые за долгое время так широко улыбался, очки сжимали его виски и в уголках глаз образовались мимические морщинки. Солнце падало на его лицо и так отчетливо были видны веснушки. И вправду, человек по-особенному прекрасен, когда счастлив. Они оба залились смехом и зарядили друг друга энергией. Кристиану было так хорошо, что улыбка с его лица не сходила до конца трапезы. Они обсуждали погоду, искусство и Анна охотно делилась моментами своей жизни на юге Франции.

– Кристиан, ты возьми масло с верхней полки, а я пока уберу со стола, – говорила Анна и ставила чайник с кружками на железный поднос.

– Да, точно, – он направился к той самой полке, она располагалась слева от входной двери.

Только он достал масло с полки и открыл его, как откуда ни возьмись, вошел человек, распахнувшая дверь буквально влетела в Кристиана, и всё масло было разлито на его одежду. Глаза вошедшей девушки округлились на пару с ее ртом. Кристиан в свою очередь так и остался стоять с банкой масла, раскрыв горизонтально руки и не отрывая глаз от своего свитера, который сменил оттенок и сделался темнее. Девушка не выговорила ни слова, сохраняя обет молчания и честь начать диалог первым, выпала Кристиану.

Он опустил руки, положив пустую банку на полку и, выдохнув, сказал:

– Второй флакон за одно утро, по-моему, я зря утешал себя тем, что это не грозит дню испортиться, – он пошёл за Анной.

Испуганное выражение лица девушки сменилось на сожаление.

Кристиан зайдя в подсобное помещение, снял с себя свитер и на голое тело надел пальто, глазам ища Анну. Не найдя её, он вышел к девушке.

– Вы случайно, я знаю, нет надобности объясняться, а уж тем более извиняться, – он говорил это ей, но так ни разу и не посмотрел на неё.

Из кухни вышла Анна.

– Кристиан, – удивилась Анна его виду, держа в руках мытую посуду на подносе, с её рук стекали капли воды.

– Я тут немного принял масляные ванны, – отшутился он, но без смеха.

Всё это время белокурая девушка стояла на том же месте, не вымолвив ни слова, с глазами полными неловкости, но наконец заговорила.

– Мне так стыдно, могу ли я загладить вину?

Анна лишь улыбнулась и, оставляя их наедине, отправилась в подсобное помещение.

– Нет, всё в порядке. Вы заходите за чем пришли, а мне пора, пожалуй. – Он взял с полки еще одну банку масла и удалился, забыв попрощаться с Анной.

Минуты через три, девушка вышла за Кристианом и, схватив его за плечи, тихонько повернула к себе.

– А вы настырная, – выдохнул он, закрывая своё тело пальто.

– Я увидела, как вы направляетесь к велосипеду и мне хотелось бы настоять на том, чтобы довезти вас до дома на своей машине, мне бы стало легче, и совесть бы меня не так душила оставшиеся годы. – Её голос казался слишком тонким или чувство вины его так кардинально смягчало.

В абсолютной тишине они ехали в общей сложности минут десять, по дороге захватив велосипед Кристиана и единственное, что подорвало молчание этой странной поездки, было примечание Кристиана:

– А здесь налево.

Она свернула, как ей было сказано, они остановились в пяти метрах от дома Кристиана.

– Меня зовут Ева, – решила на это знакомство девушка.

Кристиан лишь кивнул головой, и в машине вновь повисла тишина, но добавилась еще неловкость. Он не знал, как быть дальше. Кристиан размышлял: если он сейчас выйдет, то очевидно, ему придётся благодарить и прощаться, то есть контактировать, чего он боялся, но продолжать сидеть было не лучшим вариантом.

– Мы приехали. – Сбила его с мысли Ева, голосом с нотками волнения и стеснения.

Он посмотрел на неё в первый раз с момента их столкновения и не нарочно прицелился в её маленькие, но с красивым вырезом глаза, зелёные как изумруд. Сам того не замечая, он «пробежался» по её лицу, внимательно осматривая как хищник изучает свою жертву. Её маленький подбородок, низкий лоб гармонировали с тонкими как лепестки губами. Лицо её было свежо, пахла она очень приятно.

Возвращаясь к её глазам, от которых тяжело было оторваться, он понял, как долго смотрит на неё, стеснение молниеносно его пронзило, он вмиг отвел глаза в сторону. Плечи его приподнялись от неловкости.

– Я Кристиан. Кристиан Рой Лачовски.

– Приятно с вами познакомиться, Кристиан. Хочется верить, что вы не злитесь на меня и не замерзли. – Она немного удивилась этому весьма официальному представлению, но умело поддерживала диалог, который впрочем, держался на ней одной.

Кристиан вежливо улыбнулся, смиренно поблагодарил и вышел из машины, забыв попрощаться, занятый велосипедом.

– До свидания, Кристиан, до скорой встречи! – Громко крикнула Ева из машины, наполовину спустив окно. Он повернулся и помахал рукой в полном недоумении, о какой скорой встрече идёт речь.

Сбросив пальто на стул в прихожей, он сразу же отправился в спальню, отдавая предпочтение охристому кашемировому джемперу. Кристиан протер очки и выдохнул.

Жизнь Кристиана могла показаться, как и выражался Эллиот – жизнью отшельника. Но это лишь на первый взгляд. Кристиан обладает большим сердцем и широкой душой. Лишь имея маленькое сердце можно любить и впускать в него большое количество людей. Если человек любит двух женщин одновременно, то выходит, он не любит никого, даже себя. Или если человек смог полюбить по-настоящему дважды, то значит какой-то из этих выборов был лишь иллюзией любви. Когда по-настоящему любишь, то и страдать приходится по-настоящему. Наши души и наши сердца – убежища.

Кристиан очень любил классическую музыку и проявлялось это в его желании научиться игре на фортепиано.

Простояв минут десять у окна, ему страшно захотелось писать.

Усевшись за стул у холста, Кристиан некоторое время не двигаясь и не отрывая глаз, смотрел на начало, что было положено. Он писал природу Тонсберга. Красный дом, слева бирюзовая река, а за домом водопад, впадающий в эту реку, пару деревьев сбоку от дома и бесконечный лес, что окружил тот самый водопад и так гордо возвышался на горе. «Детали» – произнес он вслух.

Смешав три краски и получив нужный цвет, он положил мазок и остановился, не отводя глаз от сделанного. Словно руки отказывались писать. Душа и разум требовали, но руки не подчинялись. Кристиан упорно продолжал, свирепо водя кистью по полотну, без намека на прекращение процесса.

«Мне нужна музыка», – подумал он и поспешил достать пластинки. Музыка тихо заполняла комнату неким волшебством и ласкала слух. Кристиан закрыл глаза, ища успокоение и пытаясь сконцентрироваться. Он представлял поля Голландии и нежное солнце, разбирал все краски лугов и невольно улыбался. Внутри него словно потеплело и чувство тревоги его покинуло. Он открыл глаза и стал вновь писать и, отойдя на два метра от холста, понял, что в итоге так ничего и не вышло.

– Ева! – Кристиан имел привычку приветствовать людей по имени, а не привычным для всех «привет».

– Здравствуй, Кристиан. – спокойно ответила Ева с улыбкой на лице.

– Здравствуй. – Замешкался он, не выпуская полотно из рук.

– Это ваше? – Она рукой указала на то, что по его мнению у него так и не получилось. Он кивнул.

– По мне, так вы его зря выбрасываете.

– Любезность ни к чему, Ева. Картина не удалась. – Равнодушно сказал Кристиан.

– Вам виднее, конечно же, но это было моё мнение, никак не лесть. – С почти незаметной обидой ответила девушка, доставая из сумки шерстяной шарф, закрывая им шею и плечи.

– Вы замерзли? – Поинтересовался он.

Кристиан очень чуткий, добрый, а если и проскакивает агрессия с его стороны, то исключительно из-за его неумения вести себя в обществе. Он никогда не находился в компании, его единственным другом был Эллиот, который, собственно, такой же, как и он. А в детстве он нередко находился в компании Клемента Данвуди, друга их семьи.

– Да, немного, слишком долго находилась одетой в машине.

– Мы можем зайти в мой дом, я бы угостил вас горячим чаем. – Предложил Кристиан уже сам исключительно из любезности.

Ева мгновенно приняла приглашение и заулыбалась, на её щеках образовались ямочки, но едва заметные, зато какими они были явными для Кристиана. Он сразу вспомнил Милицу. Он остановился и искоса взглянул на Еву с мыслью: «Нет, у тебя не могут быть такие же

ямочки, как у нее», эта мысль казалась ему такой же глупой, как и то, что он зовет почти незнакомую девушку к себе на чай.

Сухой снег хрустел под бордовыми кожаными ботинками Евы, как приятен этот звук в предвкушении Рождества.

Она шла позади Кристиана, и он испытывал легкое волнение, сопровождающееся неуверенностью, но благородно пропустил ее в дом впереди себя.

Она немного замешкалась на пороге, но принялась разуваться, улыбка с ее лица не сходила, а он не мог смотреть на нее из-за моментально сформировавшихся ямочек на щеках. Словно никто не имел право быть их обладателем кроме Милицы.

Кристиан помог своей новой знакомой снять пальто медного цвета и как положено, предложил ей теплую домашнюю обувь, не забыв одарить ее гостеприимной улыбкой.

Ева напоминает жен английских писателей конца девятнадцатого века, держится она очень уверенно, но ощущал себя Лачовски рядом с ней как минимум глупцом.

«Всего лишь один вечер» – успокаивал себя Кристиан.

Он проводил ее в гостиную и попросил дождаться, пока будет заваривать чай, для него это особенная церемония.

Нарезая имбирь на кухонном столе, он ждал, пока чайные листья выпустят весь свой сок и аромат. Ему становилось не по себе от мысли, что ему придется находиться в обществе Евы и поддерживать диалог за чашкой чая. Но он набрался смелости, поставил готовый чай на поднос и вошел в гостиную комнату, словно его ничуть не беспокоили мысли о ее нахождении здесь. Она была из числа тех женщин – на его взгляд – что знают, чего хотят, уверенные в себе и все невзгоды мира для них как песчинка в океане, их статность всегда преобладает.

Он, стоя за дверной рамкой, наблюдал за Евой, которая смиренно его ожидала, разглядывая гостиную, в кой, собственно, не было ничего особенного, лишь захлапленная холстами и испачканная красками, но украшали ее греческие бюсты. Ее руки бережно охватывали тонкие колени, словно она ученица младших классов, покорно ожидавшая свою учительницу.

– Чай готов. – Он перебил молчание, нависшее над комнатой.

Она посмотрела на него, словно совсем не ожидала увидеть. Ева подвинулась на кончик дивана и локтем уперлась на подлокотник, закинув ногу на ногу, вязаное платье плотно прилегало к ее ногам, стягивало и выделяло каждую косточку. Руки прильнули к волосам, откинув надоедливую прядь со лба.

– Я в предвкушении, – сказала Ева по-детски радуясь и потянувшись за чашкой.

– У вас румянец на щеках, – заметил Кристиан, присаживаясь слева от нее на кресло, в то время как она располагалась на двухместном диване.

– Странно, я уже согрелась, – ее улыбка сопровождала каждое ее слово.

– Реакция на холод, сужение поверхностных кровеносных сосудов, – подчеркнул Кристиан и принялся за чай.

– Но мне идет этот алый румянец, согласитесь, Кристиан, – подхватила Ева, не упуская возможности притянуть к себе побольше внимания.

– Так и есть.

Что оставалось ему кроме как смиренно согласиться, и было бы сложно это отрицать, Ева и вправду обладала удивительной красотой и алые щеки делали ее еще милее.

– Вы художник? – интересовалась она и после подметила. – Чай у вас получился отменный.

– Спасибо, я польщен. Верно, я художник, во всяком случае, мне нравится казаться и зваться таковым.

– Мой отец тоже художник. Не знаю, может, вам доводилось о нем слышать? Томас Хоэл.

Кристиан ответил не сразу, позволив себе отсрочить время на раздумья, но нисколько не для того, чтобы попытаться вспомнить художника Томаса. Он его не знал, это точно.

– Извините, Ева, Ева Хоэл, – он не мог не подчеркнуть того, что принял во внимание ее фамилию, – я не знаю вашего отца, мне жаль. Я не особенно интересуюсь биографией или скажу так: я совсем не интересуюсь художниками и другими выдающимися личностями. Нет, не подумайте неправильно, отнюдь, я знаю много великих композиторов и художников, но нет во мне тяги углубляться в их биографии. Боюсь принять, хоть и невольно, но принять от них что-то в свои работы и в самого себя. Мне важно отражать от и до имя своё. Конечно же, это индивидуально.

– Но ведь если мы изучаем биографию великих выдающихся художников – в вашем случае – то мы лишь открываем для себя искусство с разных ее сторон. А ведь открытия – это знания.

– Вы правы, Ева. Но вы не совсем правильно меня поняли, – он поставил чашку на стол и накрыл плечи шерстяным пледом, не забыв при этом протянуть кашемировый плед заинтересованной в дискуссии Еве. – Я знаю разные стили в живописи, я знаю многих художников, знаю их работы, но я никогда глубоко не изучал их и тех, кто стоит за ними. Хочу сказать, что знаю о художниках поверхностно, но знаю о направлениях в живописи глубоко, опираюсь и иду от этих знаний. Мне это важно, Ева, – он умолк на долю секунды, затем продолжил, – я знаю и понимаю, что всё выявленное в искусстве, дело рук человека. Я хочу быть новатором, я хочу открыть что-то новое, хочу создать и оставить в своих работах и после себя то, чего раньше никто не видел, чего не было. Чтобы люди, смотря на мои картины, говорили: «как чувственно, он пронес все через свое сердце».

Кристиан замер, вглядываясь в одну точку, глаза его округлились, губы застыли, словно он унесся далеко-далеко, словно не разделял эту комнату с молодой Евой Хоэл.

Ева не спешила возвращать его в реальность, скорее она воспользовалась моментом, чтобы как можно отчетливее разглядеть все черты его лица, накренившись, глаза ее неистово бегали по его лицу.

Она думала: «Какое необычное сочетание темных волос и веснушек, а какие синие глаза. Прекрасно.»

Ее мысли прервал резкий взгляд Кристиана на ней.

– Прошу прощения, я позволил себе уйти с ног до головы в раздумья. – Он откинулся на спинку кресла, но повернул голову в ее сторону, чтобы как можно четче следить и ловить ее эмоции.

– Напротив, я сполна ощутила, что вы хотели передать мне, – ее рука сползла по подлокотнику.

– А чем занимаетесь вы? – на удивление самому себе он задал этот вопрос.

– Я ботаник. – Уверенно и с горстью превосходства ответила девушка.

Мало сказать, что Кристиан был приятно удивлён. Давно известно о его пристрастии к растениям и к природе, в принципе.

– Хотелось бы мне знать об этом больше, – с мимолетной грустью сказал Кристиан.

– Правда? Почему же? – было видно, что Ева заинтересовалась не из любезности.

Он, как и подобает ему, пожал плечами, но после всё же ответил:

– Чаще всего я пишу именно природу и мне просто хотелось бы знать об этом побольше, ведь я обязан познавать больше о том, к чему тянется моя душа.

– Я имею смелость пригласить вас к себе в лабораторию, – она словно оживилась.

Ему эта идея показалась как минимум резкой. Он встал с кресла, скинув с себя плед, и подошел к мольберту, плавно проводя пальцами по нему, после чего взглянул на Еву, которая всё также, не теряя лица, упрямо смотрела на него. Ее не пугала его странность, скорее она искала и находила в нем некую новизну для себя, не считая их встречу случайной.

– Мы с вами отличаемся, Ева, – сказал Кристиан.

Он всегда был спокойным, мало, что могло вывести его из себя или хотя бы заставить резко среагировать. Он не приветствовал нытьё, но и не был душой компании, он умел находить этот баланс внутри себя, благодаря чему всегда пребывал в гармонии с собой и с окружающим миром.

– Что вы хотите этим сказать? – в недоумении спросила Ева, нахмутив свои едва видные брови.

– Я читаю на вашем лице, оно говорит, что уже знает меня, но это не так.

Могло показаться, что уверенность Евы понемногу отступила, но она мгновенно выпрямилась и встала с дивана, подправив своё платье, которое в точности передавало всю стройность ее фигуры. На её лице можно было прочесть недоумение, но ей было не скрыть того, о чём говорил Кристиан. Юной девушке и вправду казалось, что она уже вполне разгадала его и смело может вырисовывать образ представшего перед ней человека. Но как же горько будет ей узнать, насколько она ошибалась в своих выводах и насколько подвела ее собственная самоуверенность. Если Кристиан и не был загадкой, то как минимум замком, а ключ лишь в руках Милицы и Эллиота.

– Вы ошибаетесь, Кристиан. – Надменно и даже не думая отступить, говорила Ева, выпрямив плечи и приподняв голову.

Они стояли в двух метрах друг от друга, и каждый пытался проявить свой характер. Что происходило между ними в этот момент и что они чувствовали? Ева – недоумение, а Кристиан раздраженность. Проявив гостеприимство и благородство, он посчитал, что Ева ответила ему неуважением. Она подошла к нему так близко, что глазам Кристиана было некуда смотреть, кроме как в её глаза.

– Я ошибаюсь не больше вас, Ева Хоэл. – Спокойно и не подавая виду, что он сейчас раздражен, отвечал Кристиан.

– Вздор! Всё это ересь, происшедшая из ничего. – Если первое слово сорвалось на неожиданность громко, то все остальные спокойно и покладисто. Она держала себя в руках.

Он отошёл от неё на пару шагов назад.

– Вы попытались залезть ко мне в голову и с такой уверенностью говорили и смотрели на меня, словно вычислили кто я и что я, это я прочитал в ваших глазах.

– Ничуть! – она не знала, врёт себе или ему, – я лишь собираю ваш образ, это неизбежно, когда знакомишься и общаешься с человеком.

– Если вы со мной будете общаться, видаться, спрашивать о чем-то, то всё равно не сможете выстроить образ, так как для этого человек должен вам открыться, а мне это не пристало.

Она кивнула головой, нервно прикусив нижнюю губу и приподняв голову, отвела её в сторону, так будто ответ хотел вырваться из неё, но она не давала волю.

– Разговор ни о чём! – Она не сдавала позиций, не понимая, что тем самым в глазах Кристиана казалась глупой.

– Я думал, вы умная девушка, Ева.

Она пришла в смятение и не совсем понимала, как из их довольно приятного диалога вышло полное недоразумение. Ева просто остановилась и почувствовала, как всё внутри неё стихло, наступила тишина после бури эмоций, такое она испытывала достаточно редко. Она на несколько минут закрыла глаза, выдохнула всю тяжесть, скопившуюся в груди. Открыв глаза, она не знала, куда себя деть, казалась самой себе неуклюжей, и было не скрыть того, что ее окутывала неловкость и навязчивое смятение.

Они по-прежнему смотрели друг на друга, но оба находились в таком замешательстве, что ни один не посмел заговорить.

Но Кристиан всё же решился.

– Я бы сварил вам кофе покрепче в один из солнечных дней, дабы усмирить ваш нрав этим терпким вкусом. – Кристиан позволил себе дерзость, сам того от себя не ожидая.

Улыбка, которая вот-вот хотела появиться на лице Евы, миг исчезла. Не ожидая такого от человека, который практически её не знает, Ева оскорбилась. Ей не хотелось отвечать ему, а уж тем более оправдываться и убеждать в обратном. Ни одна мышца на её лице не дрогнула, она, как и подобает ей, не показала своей обиды. Задетую гордость ей не пристало прощать.

Лицо Кристиана покрылось сожалением. Она не стала ждать больше ни минуты, разделяя кислород с человеком, который так грубо, по её мнению, обошелся с ней. Повернувшись к нему спиной, она подождала три секунды и направилась в прихожую. Резко схватив пальто и шарф, она принялась обуваться. Кристиан поспешил за ней.

– Ева, простите, я позволил себе лишнего. – Кристиан пытался загладить вину, но, возможно, он и сам понимал, что сейчас это будет сложно.

Ева словно не слышала его, а так усердно завязывала шнурки на своих ботинках и, вернувшись в исходное положение, подправив платье, она надела пальто и вышла из дома, который отныне ей неприятен, оставив на растерзание совести молодого художника.

Кристиан подошёл к окну, в надежде застать на горизонте Еву, что так яростно выбежала из его дома. Ему хотелось уловить её уходящую тень, последний шаг, ускользающий в туман, чтобы после как можно строже осудить себя за свое же поведение. А точнее, ему скорее хотелось проанализировать и как иногда удаётся ему, оправдать себя, найдя на то веские причины.

Но ни Евы, ни снежной пыли от её колес не было.

Кристиан остался стоять на том же месте, держась ладонями за подоконник, упираясь лбом о стекло окна, к слову, подоконник приходился ему по пояс. Стоит заметить, что Кристиан питал любовь к панорамным окнам, но лишь в мастерской ему открывался полноценный вид на сад, словно соединяя его с ним.

«Но ведь я не сказал ничего зазорного» – мешались мысли в его голове. Его разум словно начал просветляться после выплеска эмоций Евы, которые, казалось бы, заставили его думать точно также как и она, и куда хуже, поверить в это. То ли Ева была настолько вспыльчива и эмоциональна, то ли Кристиан был резок и невежлив. Это предстояло выяснить обоим, конечно же, если Кристиану вновь захочется с ней пересечься. Но было бы громко сказано, что его особенно волновали чувства той девушки, чьи волосы он заметил у себя на джемпере, едва бросив взгляд на свои руки.

Он остановился, мысли его притупились, ему подумалось: «так ли важна для меня эта девушка?». Он редко растрачивал себя на то, что по сути не имеет никакого значения.

Его пальцы плотно сжимали край подоконника и в эту секунду он устремил свой взгляд в чистое голубое небо и почувствовал внутри, что он наконец готов. Кристиана вновь посетила мысль, что порой мелькала в его голове, но то ли смелости не хватало на ее осуществление, то ли взяла вверх его трусость и неуверенность в самом себе. Два года назад, когда приступы вернулись, он решил во что бы то ни стало найти Милицу, отправившись в Англию и начать с того места, где они должны были встретиться, но чего так и не произошло. Сидя ранним утром в своём саду, он составлял план своего путешествия, но поддался слабости и неуверенности. А возможно, его останавливало то, что он понятия не имел, прежняя ли она, та ли она, кого он знал и любил. Как часто и встречается в нашей жизни, люди из-за страха отступают и живут не так, как им хотелось бы жить, так и Кристиан, отдавший себя своим страхам, жил всё это время в маленьком норвежском городке, отбросив шансы найти Милицу. Эта жизнь поглотила его в монотонность и серость дней.

Но именно в этот момент он чувствовал и твердо знал, что настало время найти ее. С этого момента его жизнь никогда не станет прежней

Выйдя на улицу, он как обычно проверил свой почтовый ящик, но не ожидал увидеть там письмо, ведь кроме счетов он никогда ничего не получал. Он сразу понял от кого этот белый конверт и с нарастающим волнением, с сжатым сердцем, он открыл его.

«Господин Лачовски.

Пишу тебе я, Эллиот Франц Петтерсен. Возможно, ты не хочешь слышать моего имени, так как оно нагоняет на тебя страх прошлого, но убежать от своего прошлого нельзя, поэтому смиренно прими это письмо. Я покидаю Тонсберг завтра утром, от того и прошу навестить меня.

По правде сказать, я надеялся на иной исход моего визита в Тонсберг, в конце концов, я приехал ради тебя, но ты остался таким же умалишенным трусом, который боится жить настоящим и принять своё прошлое. Впрочем, я не удивлён, ты всегда был таким. И я знаю, что через несколько лет ты также будешь бояться тех дней, что проживаешь сейчас. Но я всё равно люблю тебя, ведь ты мой друг.

На обратной стороне конверта я оставил адрес отеля, в котором остановился. Я буду ждать тебя в холле в 17:40. не опаздывай, я это не люблю.

Твой верный товарищ, Эллиот Петтерсен»

Кристиан еще долго смотрел на столь знакомый ему почерк и впервые он по-настоящему чувствовал вину, а точнее он почувствовал, что на самом-то деле он хотел видеть Эллиота, проводить с ним время, разговаривая о хорошем и светлом, но вот ведь как вышло, он не успел.

С сожалением, что до краев наполняло Кристиана, он вернул письмо в конверт и, конечно же, не забыл проверить наличие адреса.

Замерзнув в одном джемпере, он тихими шагами вернулся в дом.

Слишком много произошло с ним за сегодня изменений, а он к такому не привык, но чётко понимал, что бездействовать уже бессмысленно, что жить он так больше не может. Чтобы избавиться от страха, нужно погрузиться в него.

Неразумным могло показаться решение отправиться за Милицей, даже сумасшедшим и безрассудным. Но что-то вселяло надежду в сердце Кристиана, вера в то, что ему предстоит увидеть глаза Милицы, дотронуться до её губ. Долгие шесть лет он писал ей письма в никуда. Его внутренний голос всё же смог притупить его неуверенность и неверие в их предначертанную встречу. Насколько же сильно окрыляло и как бурлил адреналин в его крови, когда он представлял их воссоединение. Должно быть в этом счастье – само предвкушение предстоящей встречи.

Эллиот заблуждался в том, что ожидание может свести с ума Кристиана, ведь это ожидание было для него обыденностью, протекающей жизнью. И в самом деле, ведь, если есть чего ждать, то прождать можно бесконечно долго. Он верил, что однажды откроются двери, в которые войдет Милица, ведь любить её – непосильный труд, как высказывался сам Кристиан Лачовски.

«Милица, я отправляюсь в путь, сегодня в Тонсберге идёт очень сильный снег, знаешь, я поднял глаза в небо и большие снежинки ложились на моё лицо. Я был невероятно счастлив.

Я спрашиваю самого себя, я счастлив от такой сказочной зимы или же что я наконец-то набрался смелости найти тебя? Прошло шесть лет с момента нашей последней встречи, но не было ни минуты, чтобы я не думал о тебе, чтобы я не писал тебе. Возможно, я сошёл с ума, но я верю, что всё не напрасно. Я иногда представляю нашу встречу. Ты изменилась, Милица? Может, ты остригла волосы или сменила их цвет? Может, ты повзрослела и черты твоего нежного лица огрубели?

Я скитаюсь. Иногда мне кажется, что ты стала совсем другой, что, возможно, я тебя не узнаю. А порой кажется, что ты точь-в-точь такая, какой я успел тебя запомнить.

Я нестерпимо хочу тебя увидеть, но опять-таки я ничего в этой жизни не боюсь так, как этой встречи.

Говорят ведь «краткость – сестра таланта», но мне хочется говорить с тобой не переставая, мне всегда мало, от того и письма выходят довольно уж длинные.

Я взял всё необходимое: много чая, теплую одежду (в Англии так же холодно, как и в Норвегии?), кисточки, краски, небольшие холсты. Мне приходится часто писать тебя, чтобы не забыть, как ты выглядишь.

Я оставляю это письмо на столе в своём доме, на случай если ты решишь искать меня в Норвегии и так же как Эллиот найдешь мой дом. Хочу, чтобы тебе было ясно, я отправился на твои поиски, мы не должны разминуться.

В каждом городе, включительно Осло, куда я направляюсь сейчас, я буду оставлять тебе письма, чтобы ты знала, какой город будет следующим.

Я верю, что мы найдём друг друга.

Кристиан Рой Лачовски»

Кристиан положил письмо на стол и легонько его поцеловал, словно был уверен, что Милица найдет эти письма.

Надев кашемировое пальто и взяв в руки чемодан, он вышел было за порог, но напоследок обернулся и с едва заметной грустью, он будто в последний раз осматривал свой дом, но быть может, это был прощальный взгляд прошлой жизни. Впереди его ожидало что-то совершенно новое.

Закрыв за собой дверь, он повернул ключ и без оглядки направился в ожидающее его такси.

Почти смеркалось, Кристиан сел в машину, но упрямо не смотрел по сторонам, лишь в переднее окно, где расстилалась бесконечная прямая дорога, по которой он отправится прямоком на прощальное свидание со своим товарищем. Если до полученного письма Кристиан еще пытался как-то притупить свою тягу и желание повидаться с Эллиотом, то после прочитанного он уже был не в силах совладать собой. Проезжая мимо этих красочных домиков, Кристиан уже ощущал тоску по Норвегии и как тяжело ему придется вдали от родины. В мыслях о доме и предстоящем ему пути, он и не заметил, как доехал до отеля. Кристиан сам себе удивился, с какой уверенностью и смелостью он вышел из такси.

Перед ним стоял трехэтажный, но небольшой отель, с красной вывеской на фоне коричневого кирпича, сквозь большие окна можно было наблюдать, как сотрудники оживленно носятся по коридорам, пытаясь быть максимально дружелюбными, но лишь малый процент из них по-настоящему любят свою работу. Впрочем, отель кажется достаточно приятным, по бокам от здания посажены ели, а посередине у входа маленький мраморный фонтан, довольно типичный ландшафт гостиницы. Но вряд ли такой человек как Эллиот Петтерсен остановился бы в более современном месте, это не в его стиле.

Кристиан продолжал разглядывать отель и его взгляд остановился на верхнем этаже, где в одном из окон стоял его товарищ Эллиот и очевидно томился в ожидании. Этот серьёзный взгляд и строгий образ заставил Кристиана поторопиться и он в спешке вошёл внутрь.

У входа его поприветствовала управляющая и поинтересовалась, бронировал ли он номер, на что Кристиан едва слышно ответил: «меня ожидают» и пошёл вслед за девушкой. В тесном лифте, минуты в котором Кристиану пришлось делить с незнакомкой, дались ему крайне тяжело и он все не мог дождаться этого звука, который даст знать, что они на нужном этаже. Пристально и не отводя взгляда, он смотрел на серебристые стальные двери лифта и с облегчением выдохнул, когда они открылись.

Направляясь по узкому коридору, Кристиан размышлял искренне ли улыбается эта девушка, сопровождающая его или же из вежливости. Он остановился на том, что скорее из вежливости.

—

Вам сюда. Приятного вечера, – сказала сотрудница и открыла двери под номером «309», перед ним тут же предстал Эллиот, который судя по всему, ждал у дверей, Кристиан даже дернулся от неожиданности.

—

Я знал, что ты придешь, – сказал, улыбаясь Эллиот.

—

Это заметно, – съязвил Кристиан и обошёл своего друга с правой стороны, который видимо, не собирался отходить.

Эллиот закрыл дверь и повернулся лицом к Кристиану и не смог не заметить довольно большой чемодан в его руках.

—

Снова бежишь? – усмехнулся Эллиот и сел у окна на подоконник.

—

Я в постоянных бегах, – Кристиан сел на свой чемодан, напротив Эллиота и снял с шеи теплый шерстяной шарф, аккуратно сложив его на колени.

—

Не от меня ли?

—

К тебе-то я всегда и бегу, – сказал Кристиан, и казалось, что он задумался над этим. Эллиот усмехнулся.

—

Так куда же ты держишь путь, Лачовски? – разглядывая его сверху вниз и зажигая сигарету, Эллиот будто одним только своим существом держал Кристиана на поводке. Но лишь из лучших намерений.

Кристиан боялся признаться Эллиоту, что спустя целых шесть лет он осмелился найти Милицу, остерегался, что Эллиот станет смеяться над всей глупостью этой идеи и заставит его в это поверить.

—

За Милицей, – он даже не проследил за реакцией Эллиота, но однозначно прочувствовал.

Самого Эллиота вряд ли в этой жизни могло что-то удивить, он обладал невероятной выдержкой и закалённым характером. Порой сам себе удивлялся и казалось ему, что он в принципе не способен испытывать какие-либо чувства, а уж показывать подавно. Но это в большей степени причиняло ему вред, нежели защищало его.

Он всё также продолжал курить, облокотившись о подоконник, пока Кристиан сидел, разглядывая свои колени, дым медленно выходил в окно. Хоть Кристиан и был внутри зажатым и закрытым, но внешне это никак не отражалось, он держался уверенно и всегда с ровной осанкой, с высоко поднятой головой. Эллиот ничего ему на это не ответил, лишь кивнул головой.

—

В Англию, – продолжил Кристиан, после молчания Эллиота. Ему хотелось рассказать об этом, хоть он и испытывал легкий страх и волнение.

—

Ты набрался ума, однако, – потушив сигарету, Эллиот скрестил руки и, словно взглядом впивался в него. Темные брови Эллиота делали его взгляд еще более строгим и незнакомому человеку волей-неволей становилось бы не по себе, – я бы составил тебе компанию, – предложил Эллиот.

Кристиан опешил, такого он совсем не ожидал и резко посмотрел на Эллиота, отчего тот кротко посмеялся.

—

Тебя-то я знаю, сорвешься, заблудишься в сомнениях, потеряешься, сойдешь с пути, – Эллиот перечислял всё возможное, что могло бы случиться с ним, так будто читает произведение.

–

Не думаю, что вернусь из Англии, – он покачал головой.

–

А куда же ты денешься? – как большой любитель виски, Эллиот налил себе стопочку, но не стал предлагать Кристиану, так как знал, что тот если и пьёт, то исключительно чай, – найдя Милицу, останешься там? – взбалтывая виски легкими движениями, он смотрел в спину Кристиана, пока тот не повернулся к нему на колёсах своего чемодана.

–

Нет же, я о том, что у меня такое предчувствие будто я направляюсь на осознанную смерть, – он как обычно представлял всё буквально, взгляд его был прикован к одной невидимой никому точке, – что ухажу в никуда и пути назад нет. Но жить я так больше не могу. В таком случае, я выбираю вечное забвение.

–

Разрешешь стать попутчиком? Мне терять нечего. – Эллиот стоял на своем. Сняв очки и повесив их на горлышко джемпера, Кристиан потёр глаза и посмотрел на Эллиота, вспомнив о его обязанностях и спросил:

–

А как же твои лошади?

–

За ними присмотрят, – так и не притронувшись к виски, он поставил стакан на стол.

Кристиан тихонько кивнул и сказал:

– Эллиот, ты вовсе не обязан. Я ведь не ребёнок за которым ты должен всегда приглядывать и бежать на помощь, случись с ним беда. – он говорил с мимолетным презрением к себе.

–

Запомни, Лачовски, на весь предстоящий нам путь, я живу ради забавы и эта поездка для меня путешествие и нисколько не сопровождение своего потерянного друга, хоть ты и считаешь, что жизнь это что-то особенное нежели промежуток времени, когда твоё тело дышит. Ты живешь мгновение, а мертвым будешь целую вечность, так что же важнее? Правильно, смерть. Так дойди же до неё достойно и не считай свои страдания чем-то великим.

–

Нет, Эллиот, это для тебя всё неважно и всё бессмысленно, но пойми уже наконец, что самое важное – научиться жить. Кому какое дело чей труп в земле? Имеет смысл лишь твоё быющее сердце!

Он так редко спорил с Эллиотом, что и не помнит чего ожидать.

–

А живешь ли ты? – Эллиот развел руками.

–

Живу! Когда рисую, то живу, когда пишу эти письма, то живу, когда солнце сочится через занавес в мою комнату, то я живу! Я умею быть счастливым в одиночку и не жмусь к толпе. Не видишь разве, я счастливый человек, Эллиот! – Эмоции овладели Кристианом и Петтерсен был рад, что он хоть таким способом, но выносит наружу всё, что так глубоко спрятано.

–

А сказать почему? Потому что счастье для тебя заключается в муках и страданиях.

–

Не будь страданий, не было бы и картин! Ты ничего об этом не знаешь!

–

Куда мне до тонкой души художника.

—

Я никогда тебя не осуждал, но ты не можешь поступать со мной так, если не в силах понять меня и даже на секунду не жил моей жизнью, не был на моем месте. — Кристиан успокоился, и слова эти звучали как простое рассуждение, вот только они смогли вывести Эллиота из себя.

Он смотрел на него и не верил своим ушам, как же он может говорить так, когда они рука об руку проходили те испытания в больнице, что выпали на их долю. Эллиоту вспомнились многократные вечера в одиночной палате, когда никого к нему не пускали, как ежедневные обещания окончания терапии не имели ничего общего с действительностью.

—

То есть вот как ты говоришь? Я не проходил то, что довелось тебе? — он не кричал, но обида и презрение вырывались из каждого слова, зависали в воздухе и раскалывались над Кристианом, — не я ли проживал с тобой ту жизнь в стенах клиники? Не Милица? Ты задумайся, Лачовски, может, она сбежала от тебя, а не к тебе бежала? Ты говоришь, что я — это твоё прошлое, которое оживает, когда я стою перед тобой. Что если ты — это волны прошлого, в которых Милица боится утонуть и уплывает от тебя на берег? Зачем ты пытаешься ее догнать?

Кристиан в отличие от Эллиота не умел сдерживать своих эмоций и после этого вопроса слезы хлынули из его глаз.

—

Может, она давно живет счастливой жизнью и имени твоего не помнит, а ты пишешь никому ненужные письма в пустоту. Люди могут забыть и вычеркнуть человека из своей жизни, как бы дорог он им ни был, а ты все еще веришь в бесконечную любовь! — продолжал Эллиот, — это не идеальный мир, ты его выдумал.

Быстро и монотонно качая головой, Кристиан нервно вскочил с чемодана и ответил на это, быть может, верное рассуждение:

—

Потому что ты никогда не любил, тебе даже это чувство не знакомо, — сорвался голос Кристиана, и он хотел выбежать из номера, всё пытался поднять ручку чемодана, но Эллиот вовремя схватил его за руку.

—

От себя не убежишь, Лачовски! — и отпустив его руку, он потянулся за очередной сигаретой.

Оставшись стоять у дверного проёма, он схватился за ручку двери, медленно опустил голову к стене.

—

Не от себя бегу, всего лишь ищу себя! Я столько лет жил этими письмами, они — единственная связь с Милицей

и вот я впервые осмелился найти ее. Знаешь, в последний месяц у меня даже картины не выходят толковые. Я потерялся, — он краем глаза наблюдал за реакцией Эллиота. — Я выжат как апельсин. А ты ведь мог поддержать меня, — с маленьким намеком на сострадание говорил Кристиан, — да, я не отрицаю, что возможно, она живет новой жизнью и что я — большое воспоминание, но если мысли обо мне причиняют ей боль, то выходит, она что-то да чувствует ко мне. Всякое лучше, чем безразличие.

Эллиот наблюдал за тем, как Кристиан пытался убедить самого себя, как он ищет любую зацепку, за которую было бы так сладко удержаться, и Эллиот не знал, жалеть его или восхищаться.

—

Я бы украл ее, будь она замужем, увёз бы ее в Тонсберг. Я бы забрал ее будь она в Париже на концерте классической музыки. Тогда я бы стал полноценным. И прошу, не отговаривай меня, Эллиот, не заставляй меня сомневаться, когда я наконец полон решимости.

—

Не забирай ее и не уговаривай, если она замужем и не пожелает, мой тебе совет. — Уже безо всяких эмоций, говорил Эллиот.

—

Если она скажет уйти — я уйду, ее чувства я ценю больше своих. — Он кивнул головой. — Я как-то сидел в маленькой комнате, в полном мраке, за исключением той светлой полосы, что вырывалась из-за штор и ложилась на пол. Я сидел скрестив ноги и двигался под медленную музыку, закрыл глаза и ощущал себя свободным. Мне казалось, что вот-вот и я взлечу. Эта маленькая комната меня ни сколь не сковывала, напротив в этот момент я будто находился в огромном пространстве и ровно в тот миг все мои мечты имели смысл, они становились такими большими, но достигаемыми

. Я чувствовал себя живым впервые за долгое время. Мне хотелось жить. Милицы не было рядом, ее нет уже давно, но в ту минуту я ощущал её, словно она сидела рядом и двигалась со мной под эту ритмичную, но спокойную музыку. Я, Милица и это бесконечное пространство. Мы стали одним целым хотя бы на эту ночь.

Повисла тишина.

—

Что будет дальше, если она тебя не захочет?

Кристиан такой вариант практически не рассматривал и сейчас с полной серьезностью задумался над этим.

—

Что ж, я продолжу жить как и жил, но лишусь важного — надежды.

Эллиот посмеялся и сказал:

—

Надежда... друг мой милый, надежда наш самый страшный враг, она рушит нас изнутри.

—

Без мечты и надежды не проживешь, они-то и будут моими попутчиками.

—

То есть мне ты отказываешь?

—

Эллиот, не сочти за дерзость, но боюсь, что ты как раз и можешь стать причиной того, что я сойду с пути, к которому так долго готовился и шёл.

Эллиот поднял руки вверх в знак того, что он сдаётся и сделал ироническую гримасу.

—

Ты прости... — хотел было продолжить Кристиан, но Эллиот его перебил.

—

Брось! Впрочем, ты можешь идти.

—

Позволь я тебя обниму на прощание, — только Кристиан стал приближаться к нему, как Эллиот его остановил.

—

Я ненавижу прощания и нежности, ты ведь знаешь, — он скорчил лицо и добавил, — но обещаю посылать телеграммы куда бы тебя не занесло, надеюсь, этой милости тебе будет достаточно.

В конце он все же улыбнулся. Кристиан немного расстроился, но быстро взял себя в руки и похлопал Эллиота по плечу. Тихими шагами Кристиан Лачовски вышел из номера «309» и с этого момента его жизнь никогда не будет прежней.

За воротами отеля, Кристиана поджидало такси, он может и хотел, но не повернулся уловить прощальный взгляд Эллиота, а целенаправленно сел в машину и уехал.

Дорога на вокзал была недолгой, но нудной. Они всё ещё ехали. А в этот момент Кристиан прокручивал в своей голове, как все это будет происходить, как он, человек, запертый в четырех стенах с момента рождения и до нынешних дней, будет совершенно один разъезжать по Англии. Выходит, не имея ни дома, ни даже места, куда можно было бы сбежать, ощути он тоску и нежелание входить в контакт с внешним миром, ему просто будет некуда податься. Но радовало его то, что возможно, он во время своего путешествия впитает в себя атмосферу и ту загадочность Англии, благодаря которой она так и манит всех, может, тогда ему снова захочется рисовать. Ведь чтобы писать – нужно жить, черпать вдохновение со всего возможного, а самый верный попутчик в этой нелегкой дороге – природа.

Разглядывая горы по дороге, грусть понемногу отступала, ведь он знал, что если Англия и не заменит этих красивых просторов, то уж точно вдохновит еще на множество картин.

На свободной дороге, в минуты, когда Кристиан погрузился в размышления и упрямо вглядывался в пейзаж, раскрытый за окном, по совершенно случайному обстоятельству, в метре от его окна остановилась на светофоре Ева Хоэл. Кристиан её бы и не заметил, но сама Ева никогда не упустила бы этого шанса. Не сказать, что обида отступила, но она считала, что им непременно нужно поговорить, когда Кристиан в свою очередь и думать о ней забыл, настолько он был одержим мыслью изменить все и сейчас. Ева немедленно постучала в окно водителя такси и попросила его свернуть на обочину, он хоть и пришел в недоумение, но последовал просьбе. Кристиан не придавал этому особого значения и даже не повернул голову в сторону водителя. Сбить его с мысли удалось лишь, когда Ева открыла дверь с его стороны. Она стояла в вельветовом черном костюме и в молочном длинном пальто, и невозможно было прочитать на ее лице, о чем она думает и что чувствует, но ощущалось одно – она была полна решимости.

– Вы? – с приятным удивлением резко бросил Кристиан.

– Не могли бы вы выйти, господин Лачовски? – со всей строгой официальнойностью попросила Ева и отошла в правую сторону.

Он смиренно вышел из машины, оставив вещи на сиденье, и попросил водителя подождать его, выделяя, что это не займёт много времени.

Они встретились глазами, сложно было не заметить искр в её глазах и учащённое дыхание.

– Вы куда-то уезжаете? – спросила она, кидая взгляд на вещи, оставленные в машине.

– Уезжаю. И напоследок хотел бы принести вам свои извинения, я отправлял вам письмо, но не знаю, дошло ли оно до вас. – Он пытался не смотреть на неё, так как замеченный им блеск в её глазах был не совсем ему понятен и вводил в замешательство.

Он писал ей:

««Дорогая Ева Хоэл.

Всем сердцем хотел бы принести вам свои извинения. Не зная человека, в данном случае вас, я не имел право так резко высказываться на ваш счёт. У каждого человека есть свои внутренние трудности, с которыми другие люди не обязаны мириться.

Пусть я не стану тем человеком, который обидел бы вас или оскорбил и который стал бы причиной вашей грусти.

Неизмерима тяжесть моих мыслей, Ева. Если я не в силах выстроить баланс между отчаянием и счастьем, то разве смогу я найти покой и равновесие внутри себя? Ведь нет. От того и делаюсь я резким и грубым. Но не из-за черного сердца, поверьте, я мягок душой. И я злюсь, когда кто-то делает выводы обо мне.

Знаете, Ева, на этом свете существует лишь один человек, что знает меня вдоль и поперёк... и это Эллиот.

А вас лишь прошу извинить меня.

Мой товарищ всегда говорил, что за ночью обязательно последует день, а после дождя обязательно выглянет солнце. Я верю и вы верьте.

Кристиан Рой Лачовски»

– Я получила ваше письмо, вот только ответа у меня не нашлось, – она ощущала, как всё внутри неё преисполнено теплотой, когда их взгляды встречаются. – Я хотела бы сказать, что вина есть и на мне, ведь в тот день... – хотела продолжить Ева с таким азартом, будто готовила эту речь, но Кристиан её перебил.

– Ева, остановитесь, прошу вас. Мы оба осознаем вину друг перед другом и принесли извинения, я думаю, что большего не требуется.

– Нет, требуется! – запротестовала Ева. – Но для начала скажите, куда вы?

– В Англию.

Очевидно, её шокировал ответ, и она не смогла скрыть своего разочарования.

– Вы не можете. – Сорвалось из её уст.

Он вопросительно посмотрел на неё.

– Надолго?

– Думаю, что навсегда, но не могу быть уверенным. Я не знаю, что впереди, Ева.

Она отвернулась от него и пыталась собраться, взять себя в руки, но она не представляла, как ей быть, если сейчас – это последний раз, когда она видит его.

– Вы не можете, – почти шепотом произнесла она, все еще стоя к нему спиной, – Кристиан, не уезжайте. – Она предстала перед ним лицом к лицу.

– Простите, но я должен ехать, к сожалению, я не могу поделиться с вами своими намерениями.

– Почему же? Расскажите мне, я хочу знать.

– Ева, мне нужно ехать, не стойте у меня на пути. Я ведь не могу сесть в машину, оставив вас стоять здесь, потому и прошу, езжайте своей дорогой. – Он перевёл дыхание и ответил уже более низким голосом.

– Я вас никогда больше не увижу?

– Полагаю, что так.

Он уже хотел сесть в машину, как громкое и вероятно неосознанное, высказанное на эмоциях «я влюблена в вас, Кристиан!» – остановило его. Она сама себе удивилась, и руки её прильнули ко рту, если бы она только могла забрать эти слова назад.

Его реакция еще больше ухудшила ее эмоциональное состояние и положение, в общем. Он посмеялся и повернулся к ней.

– Что вы себе придумали? – Он взглянул в ее безумные глаза. – Знаете, Ева, мне не хотелось бы повторять ошибку и вновь делать о вас выводы, но сдаётся мне, что вы из числа тех людей, которые хотят быть к чему-то или к кому-то привязанным, которым нужен объект страдания. Я для этого не лучший вариант, во всяком случае, мне бы не хотелось принимать в этом участия. Вы не влюблены, вы практически меня не знаете и видетсь нам пришлось лишь дважды, в таком случае о чем речь?

Ее это оскорбило гораздо сильнее, чем могло бы. Более всего, когда не верят в твои чувства, думалось ей. Таксист недоумевал, но с любопытством наблюдал.

– Как прикажете это называть? Когда мы впервые столкнулись, мне не хотелось с вами прощаться, уже в тот момент я ощутила, что питаю к вам слабость и теплоту, которой я была наполнена. С того момента я не могла перестать думать о вас, набралась смелости и приехала к вам. И знаете, Кристиан, я бы развернулась сейчас и уехала из-за того, что вы насмехаетесь и не верите в мои чувства, но из-за страха не увидеть вас более, что этот миг будет последним, я всё ещё стою перед вами.

– Не стойте, Ева, прошу вас, не стойте. Я ценю вашу смелость и то, что вы нашли во мне причину для любви, но мне пора. – На этот раз он не стал дожидаться пока она уйдет сама, сел в машину и уехал.

«Милица...

в моем распоряжении восемь часов до вылета в Лондон, но я не смог и не захотел выйти на улицы Осло. Это как вернуться туда, где тебе причиняли боль, причем сделать это осознанно.

В нудном ожидании я провел все эти часы, временами читал книгу, но так и не сумел сосредоточиться на ней, отчего и решил поужинать, может, хоть так смогу набраться сил.

Для кого-то еда – это удовольствие, для меня же обычная человеческая потребность, которую я удовлетворяю лишь по нужде.

Я скитался с одного этажа на другой и нашёл кафе. Я старался не думать о предстоящем пути, где должен найти тебя, ведь за всеми этими мыслями стоит огромный страх, что меня ждёт грандиозный провал. Но как же мне хочется думать, что ты в меня веришь. Я не имею право подпускать плохие мысли к своей голове, ведь последствия могут быть такие, что я просто сдам билет и вернусь в Тонсберг, где проведу всю свою жизнь в письмах к тебе, ни имея шанса притронуться к твоим рукам».

Лондон.

Центральная площадь.

В шумной толпе, с первых же секунд, глаза Кристиана бегали по всем, кто окружал его. Свет шел отовсюду, он жмурился от ослепительно яркого солнца, которое не часто застанешь в Лондоне. Кристиан находился в самом центре скопления людей, и ему становилось дико. Он всю жизнь прожил в маленьком городке, и ему никогда не приходилось находиться в столь людных местах. Единственное, чего он так боялся сейчас, что гаптофобия вновь даст о себе знать, что любые касания посторонних людей окунут его в те страшные дни, что он вновь станет бояться любого физического контакта.

Стараясь отвлечься от этих мыслей и не дать страху овладеть собой, он впивался глазами в каждого прохожего, детально его разглядывая. Ведь возможно, Милица спокойным шагом, не как все лондонцы, направляется в какой-нибудь театр или вдруг ей захотелось выпить чашку кофе. Он все хотел верить, что по совершенно случайному стечению обстоятельств ее улыбчивое лицо предстанет перед ним, что она своими бархатистыми руками коснется его и расскажет ему, как все шесть лет ждала его.

Сильный удар в плечо развеял эти светлые мысли, после последовало формальное «извините» от мужчины в костюме, что так усердно спешил куда-то, не успел Кристиан кивнуть ему, как тот уже скрылся в толпе.

В этой суматохе Кристиану не посчастливилось найти Милицу. Она очень любила покой и тишину, и он наверняка предполагал, где бы она могла находиться.

Кристиан совершенно не пользовался транспортом, боясь упустить Милицу на одной из улиц.

Теплый свет ложился на дома Лондона, можно было сосчитать тысячу оттенков и не найти ни одного холодного. Сегодня Лондон по-особенному теплый и уютный, как и в тот день, когда мать Кристиана впервые привезла его в Англию.

Прошли долгих четыре месяца, как Кристиан прилетел в Лондон и как он из него всё ещё не уехал в другие города Англии. Причины служащие этому совершенно простые, присущие Кристиану: он просто не мог. Он остановился в отеле напротив того музея, где должен был пересечься с Милицей, он жил в этом отеле и в ту ночь, когда так и не дождался её. А может, не дождалась его она?

Дважды он бронировал машину под аренду, чтобы отправиться в Шеффилд, оттуда в Манчестер и так далее по списку, но он так боялся упустить её в Лондоне, что сидел у окна сутки напролёт и наблюдал, как открываются и закрываются двери музея и выходят совершенно незнакомые ему люди.

Теплым апрельским вечером, который словно готовил город к лету, на узкой улочке Лондона, на пыльном бордюре сидел Кристиан Лачовски в помятой черной футболке и в серой тонкой рубашке, что так хорошо смотрелась с черными вельветовыми брюками. Он сидел совершенно босой и чувствовал каждый мелкий камешек и как пыль садится на пальцы его ног. За целый час могла проехать от силы одна машина, максимум две, так что тишина была ему гарантирована, именно в ней он и нуждался, когда писал письма.

«Милица...

Я всё ещё в Лондоне и полюбил его с новой силой, особенной любовью. Эти здания, улицы... знаешь, я чувствую этот город своим вторым домом.

Где же ты, Милица?

Собирая эмоции за весь прошедший день, я вот что хотел тебе сказать. За исключением того, что силы мои были истрачены на бессмысленные рассуждения, я всё ещё продолжал жить, и думаю, что готов бороться. Бороться за что-то великое, за высокое и прекрасное: всё это я несу в себе. Я мало думаю о плохом и прошлом, я сплел их в две параллели и умело обхожу стороной, лишь изредка заглядываю из-за угла, просто чтобы не забыть. Ранним утром, когда весь город все еще нежится в постели, я разглядываю себя в зеркале и понимаю, что наконец мое лицо наделено хоть каким-то смыслом. Милица, я нашёл смысл внутри себя, хоть и всегда гонялся за внешним миром, но мир оказался внутри. Я счастлив. Я пришёл к истине, я понял, что все мои беды шли из-за того, что я поссорился с самим собой. Но отныне я стал себе приятелем.

Ищи гармонию внутри себя, ведь в тебе целая вселенная, окутанная множеством звёзд.

Следующая остановка: Шеффилд.

Кристиан Рой Лачовски»

Необыкновенно ярко светило солнце этим утром, провожая Кристиана в Шеффилд. Жмурясь от сильных лучей солнца, он всматривался в каждое табло, но незнакомый голос позади него громко произнес: «Мистер Лачовски», тот в свою очередь дернулся, но смиренно повернулся.

– Прошу прощения, я не хотел вас напугать. – Осторожно и с сожалением сказал молодой человек, чьи темные волосы так красиво блестели на солнце, а глаза приняли оттенок всех морей мира.

– Эм, – замешкался Кристиан, – все в порядке. – Он лишь краем глаза мог разглядеть своего собеседника, так как стоял по направлению к солнцу.

– У меня для вас конверт, внутри все указано. – Одарив улыбкой мистера Лачовски, молодой человек кивнул головой на прощание и ушел.

«Кристиан, ты самый странный и самый невероятный человек из всех, кого мне доводилось встретить. Сказать тебе, что поражает меня в большей степени? Твоя любовь к жизни, несмотря на всю ее никчемность, ты уж прости за эту резкую правду. Я думаю, ты и сам бы не стал отрицать. Ты живешь в абсолютно подавленном одиночестве, ты огражден от общества, ты не знаешь веселья и радости, ты коротаешь свои дни в замкнутом ожидании. Но, я еще ни разу не слышал от тебя, что ты не рад тому, что живешь, что ты хотел бы проститься с этой жизнью. В этом я горд за тебя. Тебе не пристало ныть, как многим людям, что считают свою жизнь чем-то величайшим, а смерть свою еще более величественной. Но разница как раз в том, что они боятся смерти, а ты бы улыбнулся, приди она за тобой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.